

Ариэль Лохен

ЛЕДЯНАЯ РЕКА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л81

Ariel Lawhon
THE FROZEN RIVER
Copyright © Ariel Lawhon, 2023
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Jenny Meyer Literary Agency, Inc. за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Марины Синельниковой
Оформление обложки Александра Андрейчука, Татьяны Гамзиной-Бахтий
Иллюстрация на обложке Дины Климовицкой
Карта выполнена Юлией Каташинской

Лохен А.

Л81 Ледяная река : роман / Ариэль Лохен ; пер. с англ.
М. Синельниковой. — М. : Иностранка, Издательство
АЗБУКА, 2026. — 640 с. — (The Big Book).

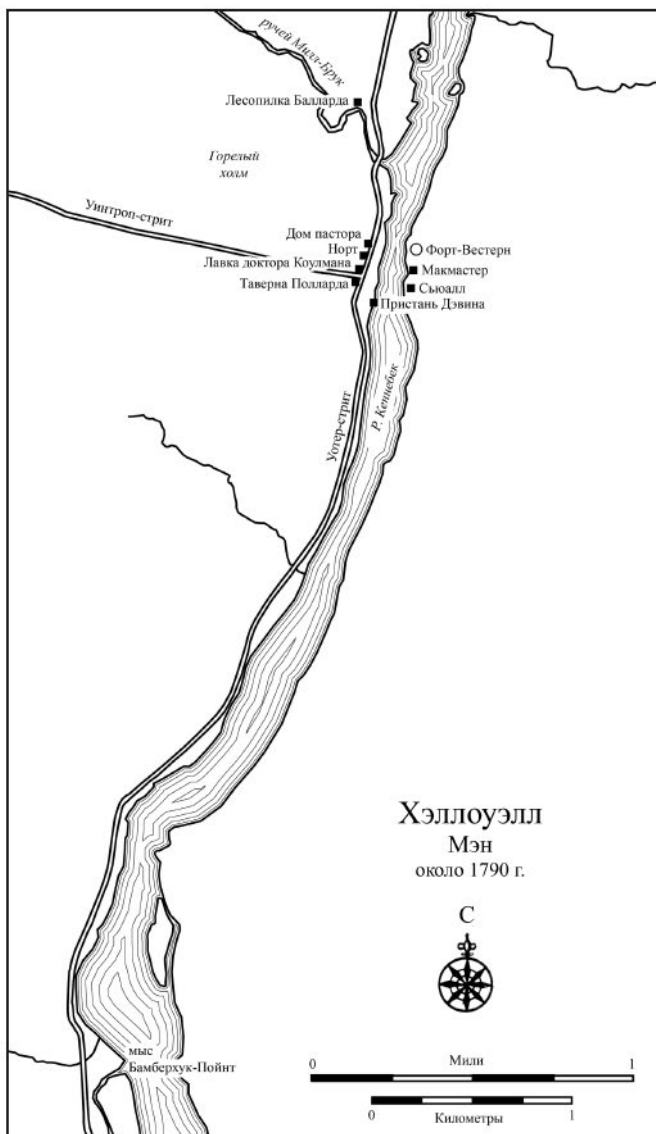
ISBN 978-5-389-32785-6

1789 год. Соседи уважают Марту Баллард, повитуху из небольшого городка Хэллоуэлл в штате Мэн, не только за знание медицины и сильный характер, но и за умение хранить секреты, столь необходимое в строгом пуританском обществе. Поэтому, когда в разгар зимы подо льдом реки находят тело мужчины, Марту первой вызывают осмотреть тело. Погибший — Джошуа Бёрджес, которого вместе с городским судьей Джозефом Нортон недавно обвинили в изнасиловании жены проповедника Ребекки Фостер. Марта, которая ухаживала за пострадавшей, является и свидетелем, и доверенным лицом Ребекки, и она подозревает, что гибель насильника неслучайна и за ней кроется нечто большее...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© М. В. Синельникова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-32785-6

И она прекрасно знает — много есть тому причин —
То, что женщина любая смертоноснее мужчин.

*Редьярд Киплинг.
Сущность самки*

I

Повешение

Ноябрь 1789 года

Правда выйдет на свет;
убийство не скроешь надолго.

*Уильям Шекспир.
Венецианский купец*

Прошлое — это пролог

Тело плывет вниз по течению. Но уже конец ноября, река Кеннебек начинает замерзать, вода кружит большие куски льда, сбивая их в кучи; от берегов лед протягивает чистые холодные пальцы в самый центр потока, хватая все, что проплывает мимо. Мертвеца и так уже тащат вниз промокшая одежда и тяжелые кожаные ботинки, и он покачивается в слабеющем течении, глядя невидящими глазами на полумесяц убывающей луны.

Погода этой ночью просто ужасная — пронизывающий ветер, леденящий холод, и чем медленнее течет река, тем быстрее она застывает, поймав мертвеца своей дремотной хваткой и раскинув складки его домотканой льняной рубахи бурыми лепестками увядшего тюльпана. Всего час назад волосы у него были собраны в пучок и подвязаны полоской кружева. Кружево он, разумеется, отобрал, и, может быть — никогда не знаешь, как судьба повернется, — если бы этого не сделал, то остался бы жив. Как будто было мало унижения. Иногда войны объявляются по менее серьезным поводам.

Перед смертью мертвец торопился, спеша убраться подальше, слишком уж скверно все складывалось, и будь он осторожнее, терпеливее, то услышал

бы в лесу тех, кто на него напал. Спрятался бы, затаил дыхание и подождал бы, пока преследователи пройдут мимо. Но он был безрассуден и нетерпелив. Бежал, тяжело дыша, оставляя следы на снегу, так что найти его было несложно. Волосы у него в пылу драки распустились, кружево подобрали и сунули в карман, и теперь эти космы, темные, как грязь на речном берегу, спутались, кое-где прилипли ко лбу, а несколько прядей попало в рот, когда он последний раз изумленно охнул, как раз перед тем, как его бросили в реку.

Течение тащит его переломанное и скрученное тело еще четверть мили, а потом лед встает, река с усталым стоном засыпает, и мертвец замирает в пятнадцати футах от берега. Лицо в дюйме под поверхностью льда, рот открыт, глаза распахнуты от удивления.

Сильные морозы пришли в мэнский городок Хэллоуэлл на месяц раньше обычного, и — мертвец не мог этого знать, как и никто другой из местных жителей, — лед не растает еще очень много месяцев. Этот год назовут Годом долгой зимы. Он станет легендой, и мертвец займет важное место в этой легенде. Однако пока что горожане спят в своих постелях, в тепле и безопасности, а двери их домов плотно закрыты, чтобы не впустить раннюю суровую зиму. Тем временем вдоль берега реки, если приглядеться, можно увидеть в свете луны, как движется что-то темное и гибкое. Лиса. Она осторожно ступает на лед одной лапой. Потом второй. Лиса не спешит: она знает, как ненадежен лед, как реке хочется поглотить

все, что можно, и затащить в свои бурлящие глубины. Но лед не проламывается, и умный зверек потихоньку движется вперед, к мертвецу. Подбирается к тому месту, где тот лежит, закованный в лед. Смотрит на него, склонив голову набок, но мертвец не отвечает на взгляд лисы. Она задирает нос к небу. Втягивает воздух, чтобы понять, нет ли где опасности. Вдыхает острый запах мороза и сосен у реки, тянувшийся издалека аромат горящих дров. Этого лисе достаточно, и она начинает выть.

Кузница Кларка

Четверг, 26 ноября

— Не бойся, — говорю я Бетси Кларк. — За все годы, что я принимаю роды, у меня еще ни одна роженица не умерла.

Бетси смотрит на меня — глаза у нее широко раскрыты, на висках капельки пота — и кивает. Похоже, она мне не верит. Они никогда не верят. Каждой роженице кажется, что она вот-вот умрет. Это нормально. Я не обижаюсь. Во время родов женщина особенно уязвима. И особенно сильна. Как раненое животное, загнанное в угол и отчаявшееся, она то сжимается и уходит в себя, то выплескивает на окружающих свою боль. Все тело роженицы выворачивается наизнанку, это должно было бы ее убить. Как такое можно вообще пережить? Но каким-то чудом женщины выживают и продолжают рожать.

Молодой кузнец Джон Коуэн, подмастерье мужа Бетси, приехал за мной два часа назад, и я сказала ему, что нужно торопиться. Дети Бетси являются на свет необычайно быстро и необычайно шумно. Скользкие, краснолицые и вопят, как баньши. И при этом такие маленькие, даже доношенные, что попка целиком в ладонь помещается. Крошки. Джон

воспринял мои указания всерьез и задал такой темп, что у меня до сих пор все тело болит от нашей лихорадочной скачки через Хэллоуэлл.

Я только-только приехала, все приготовила, а головка младенца уже виднеется. У Бетси схватки каждые тридцать секунд. Этот ребенок, как и предыдущие, торопится познакомиться с матерью. Хорошо, что у нее подходящее сложение для деторождения.

— Пора, — говорю я и кладу теплые ладони ей на колени. Осторожно разведя их, я помогаю Бетси сдвинуть ночную рубашку повыше, открывая живот. Он весь твердый, так его свело от схватки, а Бетси, сжав зубы, пытается не всхлипывать.

В родах женщина забывает весь свой прежний опыт. Каждый раз как первый, а посоветовать что-то могут только те, кто пришел помочь. Так что вокруг Бетси собрались женщины — мать, сестры, кузина, тетка. Роды — дело общественное, и когда у Бетси не хватает уже сил терпеть и она кричит от боли, все дружно берутся за дело. Они знают, что к чему. Даже те, которым ничего не поручено, находят, чем заняться. Кипятят воду. Поддерживают огонь. Складывают простынки. Самая что ни на есть женская работа. Мужчинам в этой комнате нет места, у них здесь нет прав, так что муж Бетси, чувствуя свое бессилие, ушел к себе в кухню — изливать свой страх и беспомощность на наковальню, приводить к покорности расплавленный металл.

Женщины работают слаженно, следят за тем, что я делаю, реагируют на каждое движение. Я протяги-

ваю руку, и в ней оказывается влажная теплая тряпка. Вытираю выступившие кровь и воду, и тряпку у меня тут же забирают и заменяют свежей. Младшей из родни Бетси, кухне лет двенадцати, поручено стирать испачканные тряпки, кипятить чайник и доливать воду в ведро для мытья. Она занимается всем этим не морщась и не жалуясь.

— А вот и твой ребенок, — говорю я, положив руку на скользкую теплую головку. — Совершенно лысый, как и все предыдущие.

Бетси поднимает голову, морщится и, как только схватка ее отпускает, спрашивает:

— Значит, опять девочка?

— Ничего это не значит.

Крошечная головка толкается мне в ладонь, я не свожу с нее глаз, стараясь не нажимать.

— Чарльз хочет мальчика, — произносит Бетси, тяжело дыша.

«Не Чарльзу это решать», — думаю я.

Бетси скручивает очередная мощная схватка, и ее сестры подходят ближе, поднимают ее ноги и отводят назад.

— На счет три тужься что есть сил, — говорю я ей. — Раз. Два. Три!

Я смотрю, как накатывает схватка, вздымая ее живот.

— Давай!

Она задерживает дыхание, тужится, и между ногами у нее открывается еще пара сантиметров лысой головки. Теперь из ее тела показался верхний край крошечных ушек. Бетси некогда перевести дух — ее

накрывает очередной волной, и эти волны безжалостно продолжают накатывать одна за другой, не ослабля хватки, сжимающей ее лоно. Бетси тужится. Судорожно вдыхает воздух. Снова тужится. И снова. И снова. Кто-то вытирает ей пот со лба, слезы с лица, но я не отвожу взгляда от младенца. Наконец головка видна целиком.

Я осторожно двигаю руку, накрываю ладонью щечку и маленькое ушко.

— Теперь только плечи остались. Еще два толчка, и все.

Но Бетси все это уже надоело, она из последних сил тужится и выталкивает ребенка прямо мне в руки, а потом плюхается обратно на постель. Ребенок с характерным звуком высвобождается из ее тела, и единственной их связью остается скользкий серебристый жгутик.

Раздается тоненький гневный вопль, но женщины Бетси не аплодируют, не радуются. Они молча наблюдают и ждут моих слов.

— Привет, детка, — шепчу я, потом поднимаю ребенка так, чтобы Бетси его видела. — У тебя еще одна дочка.

— А-а, — удрученно говорит она и приподнимается на локтях, чтобы разглядеть ребенка.

Дела мои еще не закончены, и я неторопливо ими занимаюсь. Положив новорожденную между ног матери, я перерезаю пуповину ножницами. Как только эта первородная связь оборвана, я перевязываю пуповину шнурочком. Потом опускаю руки в ведро с водой, мою их, вытираю и, сунув большой палец

в рот малышки, провожу им по ее нёбу. Волчьей пасти нет. Еще одно маленькое чудо, которое я записываю в уме при каждом успешных родах. Обтирая с извивающегося скользкого младенца кровь и мягкую воскообразную смазку, я поглядываю на Бетси — нет ли излишнего кровотечения? Но вроде бы все в порядке.

Женщины убирают Бетси волосы с лица, умывают, поят чуть теплым чаем. Они помогают ей сесть и переодевают в чистую рубашку. Готовят к кормлению.

— Ты такая красавица, — говорю я малышке, потом добавляю: — Смотри, как тебя любят.

Остается только молиться, чтобы это было правдой.

Чарльз Кларк так безумно хочет сына — это их третий ребенок за четыре года, — что, если он не поостережется, это стремление может убить его жену. А Бетси так хочет сделать мужу приятное, что никогда ему не откажет.

С матерью и ребенком, похоже, все в порядке, так что я заворачиваю малышку в чистую мягкую пеленку и протягиваю Бетси. Она подносит кулек к груди и шипит от боли, когда девочка берет сосок. Живот у нее снова сводит схваткой, и наружу выходит послед. Он меня тоже интересует — я обследую его, убеждаюсь, что цел, что в теле ничего не осталось. Тут тоже все нормально, и я бросаю послед в ведро.

— Еще кое-что, — предупреждаю я.

Бетси кивает. Ей не впервой.

— Потерпи. Всего несколько секунд. Но может быть больно.

— Ну давайте.

Я массирую Бетси живот, проводя основанием ладони в одну сторону, потом в другую, чтобы живот свело. Бетси морщится, но не вскрикивает, и вот уже дело сделано — ей остается только кормить ребенка.

— Как ты ее назовешь? — спрашиваю я.

— Мэри.

Это значит «горькая», думаю я, но улыбаюсь молодой матери в ответ, потому что именно это от меня ожидается.

Женщины моют Бетси и накрывают ей промежность чистыми сухими тряпками.

Половина пятого, до рассвета еще несколько часов, и помощницы прибирают последние следы беспорядка, а потом отправляются поспать хоть немного. На следующей неделе они будут приходить по очереди, чтобы позаботиться о Бетси и ее детях. Другой возможности отдохнуть у молодой жены кузнеца не будет.

Я снимаю испачканный фартук, снова мою руки, убираю выбившиеся пряди волос, а потом сажусь на краю кровати и выпиваю чашку чая — он уже остыл, мне принесли его, когда я только приехала. Несколько минут я наблюдаю за матерью и ребенком.

— Сказать Чарльзу, что все в порядке? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Бетси, — но если он злится — не говори мне.

— У него нет права злиться. Ты родила ему чудесного ребенка.

— Неважно, есть ли у него такое право или нет.

Я делаю глубокий вздох, чтобы успокоиться, потом говорю ей:

— Не беспокойся насчет Чарльза. Я о нем позабочусь, а ты занимайся дочкой.

Небольшой домик Кларков совсем рядом с их кузницей, единственной на три округа. Идти недалеко, но я все равно надеваю дорожный плащ. После душевной жары в комнате роженицы ледяной воздух бьет, как пощечина. С каждым вздохом в носу жжет. Ночь ясная и тихая, луна гордо сияет в небе, а звезды ярко светят на чернильно-черном покрывале небес.

Я даже не пытаюсь стучать в дверь кузни — из-за грохота Чарльз все равно меня не услышит, — а просто открываю ее, не окликая хозяина. Муж Бетси шагает взад-вперед, бормоча проклятия и молитвы. Он абсолютно беспомощен и полностью виноват в недавних мучениях жены.

Заметив меня, Чарльз поднимает голову и опускает молот на раскаленный добела кусок металла с такой силой, что утоптанной земляной пол у меня под ногами вздрагивает. В помещении пахнет горячим металлом и спекшейся землей, потом и страхом. Чарльз Кларк выпрямляется, откладывает молот и откидывает со лба сбившиеся влажные волосы. Он начинает лысеть — на висках волосы уже редеют — и поэтому выглядит старше своих тридцати лет. Темные волосы. Темные глаза. Темная борода. Если б Чарльз не заинтересовался кузнечным делом, из него бы вышел неплохой пират.

Он косится на меня и тут же отводит взгляд.

— Жена жива? — спрашивает он, потом прокашливается, стараясь скрыть чувства, которые его охватили.

— Да, конечно. Жива-здорова.

Чарльз почти что дрожит — я впервые вижу его в таком состоянии. Его накрывает волной облегчения, колени у него подгибаются, но он берет себя в руки и разворачивается ко мне.

— А ребенок?

— Легкие у нее здоровые.

На лице его отражается даже не разочарование, а уныние. Он сжимает зубы, потом скрежещет ими, и я вижу, как у него подергивается подбородок. Сглотнув, Чарльз наконец спрашивает:

— Бетси уже дала ей имя?

— Мэри.

— Я надеялся на сына.

— Я знаю.

— Из-за кузницы. Мне нужна помощь. Я... — Чарльз берет себя в руки и замолкает, явно смутившись. — Я очень люблю своих дочек.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Просто мне нужны еще руки. Столько работы! И я хотел его всему научить.

Я даже не пытаюсь сказать Чарльзу, что нет никакого «его» и что от младенцев в любом случае в кузнице толку мало. Что пройдет как минимум десять лет, прежде чем сын — если он у него будет — сможет внести хоть какой-то вклад в семейное дело.

— У тебя в помощь есть Джон Коуэн. А может, и сын все-таки родится. Бетси еще молода, и ты тоже.

Чарльз кивает, будто принял важное решение.

— В следующий раз постараемся получше. Я уж об этом позабочусь.

Вот глупец.

Я делаю шаг вперед, в сторону нагретых докрасна кирпичей, и касаюсь руки Чарльза, мускулистой, покрытой шрамами и теплой от огня. Если на ней когда-то и росли волосы, их давно спалило.

— Погоди хотя бы несколько месяцев, — говорю я ему. — Самое меньшее, несколько месяцев. Если хочешь сына, дай ее телу время восстановиться. И даже тогда Бог решит, кто у вас родится, а не ты. Ты меня понимаешь?

— Я же не жестокий.

Ну да, только привередливый и неблагодарный. Но вслух я этого не говорю. Чарльз из тех людей, которые правду услышать могут, но только если не говорить о ней прямо.

— Бетси сейчас этого мало. Ей нужно, чтобы ты был мягок. И терпелив.

Он не отвечает, так что я сжимаю его плечо напоследок и ухожу, чтобы не мешать ему работать. Джон Коуэн, сделав свою работу на сегодня, ушел спать на галерею на другом конце кузни. Он парень рослый, мощный, как бык, но и умом не сильно от быка отличается. Пока он крепко спит, храпит вовсю, не думая о новой жизни, только что вошедшей в этот мир, и не обращая внимания на стук молота своего хозяина. Все дни Джона полны звоном металла, так что и во сне он ему не мешает.

Я возвращаюсь в дом, нахожу местечко у очага и растягиваюсь на соломенном тюфяке, который для меня оставили. Через пару часов родственницы Бетси встанут и приготовят угощение в честь новорожденной.

Это ритуал, который в Хэллоуэлле соблюдают всегда. Раз родился ребенок, значит, должно быть угощение. Иногда устраивают шикарный пир на льняной скатерти, иногда наскоро собирают холодную еду, какая найдется. Иногда я сплю в запасной кровати, а иногда спать мне негде. Не раз мне приходилось проводить ночь на стуле и рывком просыпаться каждый раз, когда голова падает. Но большинство родов, на которых я присутствую, похожи на эти. Скромный дом, нормальные роды, простое ложе, а утром сытный завтрак.

Я лежу, укрывшись плащом, смотрю на грубые балки потолка и прислушиваюсь к звукам вокруг. Негромкое похрапывание, шорох, шепот — это укладываются родственницы Бетси. Когда глаза у меня уже слипаются, открывается передняя дверь и Чарльз идет по скрипучему полу к спальне. Я жду звуков гнева, но слышу только, как мужчина негромко шепчет что-то своей жене.

* * *

Я просыпаюсь оттого, что большая грубая рука трясет меня за плечо. Мне кажется, будто я только-только закрыла глаза. Разбудил меня Чарльз; он держит фонарь, а голос у него напряженный.

— Мистрис Баллард, — шепчет он. — Вставайте скорее!

Я бросаю встревоженный взгляд на спальню, где оставила мать с младенцем, — неужели ночью что-то пошло не так?

— У них все в порядке. — Он машет в сторону входной двери. — Там за вами кто-то пришел. Говорит, дело срочное.

Прошел всего час, как я уснула, не больше. Мне кажется, что в голове у меня паутина, в глазах вата, но я поплотнее запахиваю плащ и выхожу за Чарльзом наружу. Меня встречает внезапный и безжалостный порыв холодного воздуха. Я невольно охаю, потом меня пробирает дрожь.

Чарльз поднимает фонарь, и я узнаю приехавшего за мной всадника. Среднего возраста, среднего роста, не особенно симпатичный, и совершенно непонятно, почему он здесь, а не на полпути в Лонг-Рич на плоту с моим сыном.

У Джеймса Уолла совершенно измученный вид, какой бывает, только если бодрствовать всю ночь на жутком холоде. Глаза у него покраснели, волосы встрепаны, он не брился. Он облизывает потрескавшиеся губы.

— Простите, Марта, я не хотел мешать, но вы нужны в городе. И немедленно.

— Я думала, вы с Джонатаном давным-давно уплыли на плоту.

— Так и было, — говорит он. — Но произошел несчастный случай.

АРИЭЛЬ ЛОХЕН
ЛЕДЯНАЯ РЕКА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.04.2026.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 28,00. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

R-MBB-42101-01-R